

НАУКА ЖДЕТ СИЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ

В сфере науки происходят позитивные изменения. Однако есть еще масса тяжелых проблем. Они будут решены только тогда, когда государство действительно осознает роль науки в развитии нашей страны и обеспечении ее безопасности, увеличится финансирование науки, будет решен ряд организационных вопросов, считают участники круглого стола "ГА".

Вартан СААКЯН, начальник управления научной политики Государственного комитета по науке:

- Хочу сказать несколько слов о деятельности нашего Комитета по науке. В наши основные задачи входит усовершенствование структуры научных кадров, развитие науки как важнейшего фактора обеспечения национальной безопасности, формирование научной политики и участие в разработке инновационной политики. За 2 года нашим комитетом было подготовлено несколько фундаментальных решений. Чтобы определить стратегические научные направления, мы провели объективный анализ текущего состояния науки, включая международные рейтинги, техническую оснащенность, научные кадры, выделили направления, представляющие интерес как для Армении, так и для зарубежного научного сообщества. Очень важно, что сегодня мы располагаем полной и абсолютно объективной картиной состояния науки Армении. Мы разработали и представили на рассмотрение правительства РА Стратегию развития науки на ближайшие 10 лет, куда вошли основные научные направления. Сейчас совместно с НАН РА мы разрабатываем программу на ближайшие 5 лет.

Разработаны положения о приоритетных направлениях развития науки и техники в Армении, порядок, критерии и принципы создания научных центров, программа консолидации ученых-армян всего мира. Совместно с НАН РА разрабатываются порядок, критерии и принципы создания исследовательских университетов. Подготовлены и представлены в правительство изменения в Законе о научной и научно-технической деятельности. Предприняты шаги по усовершенствованию системы финансирования науки.

Серьезная проблема - научные кадры. Средний возраст кандидатов наук - 54 года, докторов - 64. Принимаются меры по омоложению научных кадров, вовлечению молодежи в сферу науки, организуются летние школы, растет число зарубежных командировок для молодых, объявляются конкурсы для научных сотрудников до 35 лет.

Повышенное внимание уделяется развитию международного сотрудничества. Заключен договор с Французским фондом научных исследований. Предполагается заключение договоров с Российским фондом фундаментальных исследований, с Немецким фондом

фундаментальных исследований, итальянскими научными организациями, Белорусским комитетом по науке и технологиям.

Однако существует и немало вопросов, требующих решения. Некоторые научные учреждения академического типа, например, ЕрФИ, Институт радиоизмерений, а до недавнего времени и Институт биотехнологии оказались в составе Министерства экономики. Однако все эти институты и их проекты финансируются из бюджета науки.

Ашот САГИЯН, член-корреспондент НАН РА, директор Института биотехнологии:

- Мы все знаем, как эти институты оказались в составе Министерства экономики. В советские годы они входили в Министерство промышленности. Потом промышленность развалили, но этому министерству дали оптимистическое название – Министерство экономического развития. Развития тоже не получилось. Тогда эту госструктуру снова переименовали, на этот раз в Министерство экономики. Но это опять-таки не улучшило положения входящих в его состав научных учреждений. Да, наш институт занимается прикладными направлениями, но это не значит, что мы должны входить в Министерство экономики. Неважно, какая наука - прикладная или фундаментальная. Развитие всех направлений должен курировать Комитет по науке. А Министерство экономики пусть занимается инновациями. Правда, я не уверен, что министерство может успешно справиться с этой задачей. По крайней мере подобные примеры мне не известны.

Левон ЕПИСКОПОСЯН, доктор биологических наук, руководитель группы генетики человека Института молекулярной биологии НАН РА:

- Вопрос не только в отсутствии реального интереса со стороны государства к использованию перспективных разработок и результатов научных исследований. Думаю, для этого нет и необходимых правовых основ. Когда ученый представляет результаты, имеющие практическое значение, то в случае их коммерциализации он должен иметь соответствующие доходы. Но правовых основ для этого нет. Существуют также проблемы с защитой интеллектуальной собственности, патентованием. Во всех случаях ученого облапошат и он окажется, как теперь принято говорить, в положении лузера. Другой важный момент – ученые не должны заниматься внедрением полученных результатов, налаживанием коммерческих связей. Это другая профессиональная сфера, которую надо организовывать. Пусть каждый занимается своим делом.

Ашот САГИЯН:

- Я все-таки считаю, что искать потребителей, заказчиков должен сам разработчик. Лучше него этого никто не сделает. Приведу пример нашего института. Мы сами коммерциализировали много технологий, продаем свою продукцию в разные страны. Но когда дело доходит до организации производства, возникают сложности. Мы столкнулись с этим на примере биоудобрений. Тут нужна государственная поддержка. Только после вмешательства премьер-министра дело сдвинулось с мертвой точки.

Хочу сказать пару слов о деятельности Комитета по науке. Все надо оценивать в сравнении. Вспомним, что было раньше и что происходит сейчас. Благодаря деятельности комитета определенно происходят позитивные изменения. Пару лет назад, когда хозяйственные расходы составляли менее 10% от бюджета института, я хотел иметь 15 000 долларов на отопление и другие хозяйственные расходы. Сейчас они составляют более 30%. Денег, которые выделяются институтам на прочие расходы, достаточно, чтобы в течение целого года не останавливать работу. Теперь заработанные небюджетные средства я уже могу использовать по-другому. В этом году 11 млн драмов от международных договоров я использовал на ремонт лабораторных помещений. Появились гранты для молодых специалистов. Вы знаете, что наш институт реализует коммерциализационный проект Международного научно-технического центра. Мы получили дорогие приборы, но возникла проблема из-за того, что мы использовали кислород, имеющийся в Армении. В результате все системы вышли из строя. Нужно было купить чистые газы и пригласить специалистов. Мы обратились к Комитету по науке и получили поддержку. Я думаю, что эта структура

очень много сделала за 3 года. Позитивные изменения налицо. Я уверен, что в будущем деятельность комитета будет еще более эффективной.

Армен САГАТЕЛЯН, доктор геологических наук, директор Центра эколого-ноосферных исследований НАН РА:

- Чтобы получить ответы на острые вопросы науки, необходим системный подход. Когда мы говорим о Министерстве экономики и других министерствах, то воспринимаем эти структуры с позиций командной экономики. Это раньше министерства управляли и решали проблемы. Но сегодня у нас рыночная экономика, причем в самой уродливой форме. Отрасли сверхмонополизированы. В этих условиях конкуренция даже не подразумевается. А когда нет конкуренции, говорить об инновациях бессмысленно. Конечно, хорошо, что есть такие научные учреждения, как Институт биотехнологии, которые умудряются находить заказчиков за рубежом. Но ведь большинство институтов таких возможностей не имеет. Их разработки никто не возьмет, потому что экономика монополизирована. А поскольку монополисты действуют в максимально благоприятных условиях, у них нет стимула к внедрению передовых разработок и повышению качества производства. В то же время система управления не использует возможностей системной экспертизы. В результате институты теряют квалифицированные кадры, разрушаются научные школы, ученые получают мизерную зарплату, на которую жить невозможно. Если бы все условия были проанализированы, система управления могла бы воспользоваться результатами этого анализа.

Огромная ответственность лежит на самом государстве. В условиях переходной экономики сохранение науки – обязанность государства. Государство должно сохранить тот потенциал, те ресурсы, которые ему достались. А то, что происходило с наукой в последние 20 лет, – жестокое и медленное уничтожение. В свете этого Государственный комитет по науке действительно светлое пятно. Научное сообщество видит понимание и стремление комитета решать проблемы. Огромных усилий требовала инвентаризация институтов. Чтобы начать решать проблемы, нужно было иметь полную картину состояния науки - что мы имеем, в чем нуждаемся. Более благополучные институты получили дополнительные возможности, а те, которые оказались в тяжелом состоянии, – шанс выжить за счет структурных изменений и других возможностей. Очень странно, что тот огромный информационный ресурс, который создал Комитет по науке, до сих пор не используется в системе финансирования науки, как это уже делается в России.

Ашот МЕЛКОНЯН, член-корреспондент НАН РА, директор Института истории:

- Я тоже очень доволен деятельностью Комитета по науке. Когда он создавался, я был против, потому что думал, что в составе министерства появится еще одно бюрократическое звено. Но благодаря Самвелу Арутюняну и его сотрудникам эта структура действительно занимается организацией науки. В академической системе действуют три вида финансирования - базовое, договорное и целевое. Наш институт имеет целевое финансирование. Мы уже завершили работу над 8-томником "Истории Армении". Мы представили этот труд комитету и сказали, что пора начать издание. Если издать 1000 экземпляров, то каждый том обойдется в 5-6 млн драмов. Но комитет выделил на каждый том по 19 млн драмов и предложил издать 8-томник тиражом не менее 4000 экземпляров, чтобы можно было продавать эти книги и получать прибыль. До конца этого года выйдут в свет два первых тома. Мы очень благодарны комитету за поддержку, но оставлять эту структуру в составе министерства не стоит. Дело в том, что до создания комитета министерство занималось в основном вступительными экзаменами. Проблемы науки даже не пытались решать, а сейчас мы наконец получили реальную поддержку в лице комитета.

Акоп СИМОНЯН, кандидат исторических наук, директор Научно-исследовательского центра историко-культурного наследия:

- Создание Комитета по науке - действительно важный шаг. Но нельзя останавливаться на полпути. Комитет либо должен войти в состав правительства как самостоятельная структура, либо надо создать министерство науки. Сегодня у нас только две

конкурентоспособные области - наука и культура, поэтому надо создать такие условия, чтобы эти сферы могли нормально функционировать. Нынешнее полузависимое состояние Комитета по науке ограничивает его деятельность и возможности. Хочу также коснуться вопроса коэффициента. Мне нравится этот подход. Тот, кто хорошо работает, должен достойно жить. А сегодня всем дают поровну и все живут плохо. Нужен стимул к хорошей работе. Говорят, что среднюю зарплату поднимут до 75000 драмов. Это тоже не деньги, на которые можно жить. Я не сравниваю нашу зарплату с зарплатой зарубежных ученых. Но недавно я был в Грузии. Там зарплата ученого в 10 раз выше, чем в Армении, хотя это тоже небольшая республика. Но, если говорить откровенно, достижения наших ученых значительно выше. А у нас, даже если немного повысят зарплату, она уйдет на коммунальные платежи. А как должен жить ученый? Поэтому люди преподают в 3-4 вузах, бегают с лекции на лекцию. А когда серьезно заниматься исследовательской работой?

Еще один важный вопрос - директора институтов должны иметь фонды, чтобы использовать их на текущие нужды - ремонтировать здания, создавать нормальные условия для работы, чаще отправлять своих сотрудников в зарубежные командировки, приглашать специалистов. Бюджет науки должен быть таким, чтобы 40-50% шло на зарплату, а остальное - на прочие расходы. Мы занимаемся исследованием армянских памятников в нашей республике и близлежащих странах,

организуем много экспедиций. Нужен транспорт высокой проходимости, а у нас только УАЗ выпуска 1986г. Купить нормальную машину мы не можем. А Министерство экономики постоянно вычеркивает строку на приобретение транспорта высокой проходимости.

Есть и другие проблемы. Сколько раз мы обращались в правительство, чтобы нам выделили деньги на ремонт здания! Мы работаем в совершенно неприемлемых условиях, но средства не выделяются. Необходимо организовывать совместные экспедиции, но когда к нам приезжают зарубежные коллеги, мы чувствуем себя просто униженными. Как им объяснить, что даже на ремонт здания нет денег? А о том, какая у нас зарплата, возможности для работы, просто говорить стыдно. Государственная политика должна учитывать интересы науки. Ведь это национальные интересы!

В области археологии мы получаем очень важные результаты. История и археология должны пользоваться особым статусом, так как это те области, которые оказывают огромное влияние на самосознание нации и ее сохранение. Однако все арменоведение пребывает в плачевном состоянии. Необходимо разработать стратегию развития гуманитарных наук. Ведь иногда выходят такие работы, которые иначе как антиармянскими не назовешь. Например, выходит огромная книга, в которой на армянском языке еще используется название Армянское нагорье, а в английском переводе пишется Анатолия. Наши ученые, работая у себя на родине, боятся говорить, что уже в бронзовом веке существовали армянский народ и армянский язык. Стыдно!

Почему мы все время пытаемся угодить Западу?! В Грузии еще при советской власти писали: "история грузинских племен эпохи неолита". То есть имеется в виду V тысячелетие до н.э. Мы совершенно обоснованно можем говорить об армянском народе на территории Армении начиная с VI-V вв. до н.э. Но писать об этом почему-то неприлично. Нужна политика арменоведения. На государственном уровне необходимо осознать всю важность этих исследований и создать ученым, ведущим исследования по этим направлениям, нормальные условия для работы, куда входит и достойная оплата труда. Нужны и транспорт, компьютеры, фото- и видеотехника. И, повторю еще раз, нужно ввести

коэффициенты, чтобы адекватно оценивать работу ученых. Нужно поощрять перспективных, иначе наука развиваться не будет.

Вартан СААКЯН:

- Сейчас совместно с НАН мы разрабатываем стратегию развития общественных наук, и к концу года этот проект будет представлен на рассмотрение правительства. У нас очень развиты естественные и технические науки. Но стратегия развития общественных наук нужна обязательно. Теперь по поводу арменоведения. Это стратегическое направление армянской науки в целом. Именно для того, чтобы достичь желаемых результатов, предполагается, что на основе стратегии развития армянской науки будет разработана отдельная программа по арменоведению.

Однако важный вопрос - оценка эффективности научной деятельности. Паспортизация научных учреждений не самоцель. Она предполагает составить паспорт каждой организации, который включает в себя не только территорию, количество зданий, метраж и т.д., но и научную продукцию, научных работников и т.д. Естественно, вопрос о финансировании будет связан с этими показателями. На самом деле мы проходим тот путь, который прошли многие страны мира, в том числе и постсоветские. Есть специальные, очень формальные параметры, которые, возможно, охватывают не все области научной деятельности, но с помощью этих критериев все равно можно оценить эффективность научной работы. Естественно, не одними и теми же параметрами будут оцениваться, скажем, арменоведение, общественные и естественные науки. Нельзя использовать один критерий для оценки всего....

Ашот МЕЛКОНЯН:

- Хочу вернуться к проблеме, поднятой Акопом Симоняном. Во всех наших изданиях мы используем название Армянское нагорье. А вопросы, связанные с изменением географических названий, нужно задавать тем ученым, которые стремятся угодить Западу. Однако дело в том, что некоторые наши ученые имеют тесные контакты с разными зарубежными организациями и фондами, откуда они получают деньги. Иногда бывает, что издаются книги – например, несколько лет назад вышел в свет сборник "Результаты раскопок в бассейне Севана" на английском языке. Там почти не употребляется слово "Армения". И читателю непонятно, где находится Севанский бассейн. У некоторых историков и археологов есть разногласия по поводу того, существует ли этноархеология. Есть специалисты, которые считают, что нет такой археологии. Мы считаем, что она есть. Потому что если ты не определяешь носителя культуры в этническом плане, то не имеет смысла заниматься этими исследованиями.

Акоп СИМОНЯН:

- Это очень серьезный вопрос. Например, у Запада своя политика в этом плане. Она направлена на то, чтобы всех уравнивать и стереть национальное самосознание, поэтому там отрицают этноархеологию. Но мы не должны идти у них на поводу. У нас должна быть своя политика, следующая национальным интересам. Однако такой политики нет. Общественное мнение, национальное самосознание оказывают сильное влияние на общественную деятельность. К сожалению, и для части наших ученых этноархеология неприемлема. Они не хотят понять, что на основе археологии можно писать историю

Ашот МЕЛКОНЯН:

- Для них главное то, что это проявление мировой цивилизации и не имеет значения, кто создал эту культуру.

Айк АРУТЮНЯН, директор Бюраканской обсерватории:

- Начну с замечания Армена Сагателяна по поводу медленного уничтожения науки. Я вспомнил темные 90-е и анекдот о психиатрической больнице, где больные купаются в пустом бассейне, потому что им сказали: пока не научитесь плавать, воду не нальем. Подобное происходит и с нашей наукой. Конечно, создание комитета было очень важно.

Многие вопросы были решены после его создания. Это финансирование хозяйственных или "прочих расходов", зарубежные командировки, потому что до того ездил в основном президиум НАН. Или сам доставай деньги. А сейчас, если есть доклад и приглашение, можно поехать. Организуются летние школы для молодых. То, что комитет здесь финансирует конференции и школы, – тоже замечательно. В этом году у нас большая летняя школа под эгидой Международного астрономического союза. Мы получили порядка 115 заявок из 37 стран. Это у нас уже 3-я школа. Первая была полностью на наших плечах – как мы доставали деньги, лучше не вспоминать. Вторая школа была связана с юбилеем Амбарцумяна и правительство дало деньги. Третья проходит под эгидой Международного астрономического союза и они платят за билеты, участвует и ЮНЕСКО. Но и комитет дает деньги. Очень активизировались международные связи, что чрезвычайно важно. Есть договоры с французами, немцами, с Россией. После того как комитет подписал эти договоры, у нас сейчас финансируется 3 проекта. Будет хорошо, если комитет сможет изыскать средства на публикации на английском и других языках. Армения - член многих международных организаций и должна платить взносы. В прошлом году у нас возникла серьезная проблема – 6 лет мы не могли платить взносы в Международный астрономический союз. Армению хотели исключить из этой организации. Помогли комитет, академия, зарубежные армяне, и мы не вылетели.

Коснусь и других проблем. Есть институты, которые могут работать в одном здании, а на территории нашей обсерватории их порядка 50-ти. Естественно, одно только содержание этих зданий требует немалых затрат, а средств, понятно, не хватает. Постоянно говорится о том, что научные учреждения должны искать возможности сбыта своей продукции. Однако в сфере фундаментальной науки, особенно астрофизики, это очень сложно. Тем не менее начиная с 90-х годов мы искали возможности найти коммерческое использование нашим профессиональным возможностям и полученным результатам. И мы нашли такую возможность. Нами заинтересовался "Роскосмос". Сегодня очень серьезной проблемой стала засоренность околоземного пространства. Согласно имеющимся расчетам, из-за огромного количества мусора к 2025г. будет невозможно запускать новые космические ракеты. Сейчас у нас намечается большой проект и договор по наблюдению за этими объектами. Но если бы не наша инициатива, найти коммерческих партнеров не удалось бы.

Теперь относительно арменоведения. Имеется достаточно большой массив астрономической информации, которая может представлять арменоведческий интерес. Это и армянские названия планет, которые совпадают с греческими. Но сами греки отказались от этих названий еще в VI-V вв. до нашей эры и стали использовать мифологические названия. Есть вопросы, связанные с армянским названием Млечного пути. Специального изучения требуют астрономические знания в древней Армении. Тут большой материал для арменоведов.

Армен САГАТЕЛЯН:

- Надо исходить из мировой практики. Если на науку выделяется менее 3% от ВВП, то наука развиваться не может. А 3% - это реальное отношение государства к науке. В конце концов наука - это не только возможность повышения прибыльности производства. Это престиж знаний, интеллекта, качество общества, уровень образования, культуры и т.д. Теряя науку, страна теряет конкурентоспособность, а значит обрекает себя на крайне незавидное будущее. Однако непонятно, почему в государстве, которое ориентируется на построение общества знаний, наука кое-как выживает на скудные средства. 3% от ВВП - это прожиточный минимум науки. Но о чем мы вообще говорим при нынешней зарплате ученых?

Левон ЕПИСКОПОСЯН:

- Я впервые участвую в круглом столе "ГА", но всегда читаю эти публикации, особенно, когда проходят обсуждения по проблемам науки. Неизменно высказываются интересные и компетентные мнения, но при мизерном финансировании крайне сложно решать проблемы науки. С тем, что здесь говорилось о Государственном комитете по науке, я полностью согласен. Что касается 3%, то в лучшем случае их получают наши внуки. А нам пусть дадут

хотя бы 1,5%, хотя это вряд ли обеспечит движение вперед. С голоду не умрем, но и развития не будет. Чтобы положение изменилось, нужна политическая воля. У государства должно быть желание изменить ситуацию, а его пока нет. Нет и открытого недовольства со стороны научного сообщества. Имея дееспособное научное сообщество, мы рискуем оказаться на уровне африканской страны. По сути дела агония науки, которая началась в 90-е годы, еще продолжается, хотя ситуация выглядит не так удручающе. Стоило бы обратить внимание государства на то, что происходит в странах нашего региона, по сути дела не имеющих научных традиций и серьезных достижений в этой области. Очевидно, что отношение государства к науке там и у нас отличается принципиально. Приведу пример. Я занимаюсь арменоведением и мне по роду работы приходится бывать в соседних странах. Когда я был в Иране, мне очень понравилась инициатива по созданию биоцентра. Он был построен в течение нескольких лет на площади 30 кв. км в пригороде Тегерана. Построили здание, напичкали его огромным количеством современной аппаратуры и пригласили специалистов. В течение года государство выдавало сотрудникам зарплату, но предупредило, что за это время ученые должны найти заказчиков проводимых исследований и в дальнейшем на это жить.

В Армении ничего подобного не происходит. Ситуация вообще достаточно странная. На самом высоком уровне предпринимаются попытки реанимировать абсолютно бесперспективные направления, институты. Но ведь куда разумнее затратить средства на создание дееспособного научного центра.

Масса проблем с оборудованием. Его ни на один грант не купишь. Грант может дать только один элемент оборудования. А нужна цепочка. Без этого не обойтись. У нас 40 институтов, 5 - по химии, 4 - по физике. Ну не нужно Армении столько!

Армен САГАТЕЛЯН:

- У нас уже есть опыт объединений, которые не дали экономического эффекта. Только возникали дополнительные проблемы. Если объединение носит механический характер, синергетического эффекта не получишь. Что касается Ирана, то эта страна вкладывает сумасшедшие деньги в науку. И у них прорывы по отдельным направлениям. А мы теряем то, что формировалось, зарабатывалось долгие годы, теряем научные школы, которые потом будет невозможно восстановить. Вспомните генетику. СССР вложил огромные деньги, но после уничтожения школы Вавилова они больше на ноги не встали. Вспомните кибернетику. Ее в СССР разгромили и потом никакими деньгами не смогли восстановить. У нас, слава богу, еще по каким-то направлениям сохраняются школы. Но та политика, которая ведется последние 20 лет, разрушает науку.

Не дают средств на поддержку даже тех направлений, в которых мы были лидерами, где, несмотря на то что нет оборудования, еще есть мозги и комплексные знания. Сегодня НАН РА и Комитет по науке хотят строить жилье для молодых. Но на их же деньги. А где эти деньги взять? Россия для ученых строит даром.

Левон ЕПИСКОПОСЯН:

- Сегодня в Армении потеряно много научных школ. Но мы почему-то хотим развивать все области науки. Это невозможно. Я хочу, чтобы те направления, которые будут заниматься новыми тематиками, с 2011 года были представлены на армянском и английском языках, а также получили объективную оценку.

Теперь насчет арменоведения. Сегодня им занимаются и астрономы. Могут заниматься и зоологи, и географы, и генетики. Когда мы пишем о том, что армянский этнос начал формироваться по крайней мере где-то 5 тыс. лет до н.э., то имеем в виду генетическую основу. И когда иностранцы печатают статьи о возникновении индоевропейского языка и пишут о том, что армянский язык отделился от общей ветви прониоевропейского языка 7,5 тыс. лет назад, то трудно представить, что язык возник виртуально, а носителя его не было.

Акоп СИМОНЯН:

- Что касается арменоведения, то любая работа по национальной тематике получит отрицательный отзыв за рубежом. Это однозначно. Свои вопросы мы должны решать внутри республики. А если опираться на зарубежные отзывы, то арменоведение просто перестанет существовать. Положительную оценку получают только те, которые льют воду на их мельницу и представляют по сути антиармянские работы.

Армен САГАТЕЛЯН:

- Что касается экспертизы, то мы привыкли считать, что Армения – небольшая страна и любой внутренний эксперт неизбежно окажется или другом, или конкурентом, то есть на объективность рассчитывать достаточно сложно. Однако, судя по нынешним тенденциям, это – проблема не только малых стран. Я являюсь экспертом Евросоюза, и недавно ко мне обратились по поводу экспертизы огромных российских проектов, а на прошлой неделе такое же обращение поступило из Сербии. Однако сказанное не снимает проблемы экспертизы в Армении. Мы все знаем, что в этой сфере существует определенная клановость.

Аналогичная проблема связана с ВАКом, потому что советы узкоспециализированные, там сидят люди, которые по 40 лет серьезно не занимались наукой. Что они делают сейчас – непонятно, но достаточно молодому, перспективному ученому представить работу, которую так называемый эксперт просто не может оценить, потому что отстал за долгие годы ничегонеделания, и эта работа обязательно получит отрицательную оценку. Когда существовал Советский Союз, можно было поехать, к примеру, в Новосибирск, там защититься и вернуться в Армению. А сейчас, при нашей уродливой системе, где бы ты ни защищался, требуется новая защита.

Вартан СААКЯН:

- Не надо изобретать велосипед. Достаточно использовать эффективные зарубежные механизмы с некоторыми поправками на наши условия. У нас уже создан банк экспертов, куда вошли 1200 специалистов из Армении и Диаспоры. И я не считаю, что в Армении нельзя провести независимую экспертизу, хотя это достаточно сложно. Необходимо также усовершенствовать правовую базу, в частности, нужен закон о научной экспертизе. Необходимо также учесть конфликт интересов. Я думаю, что будет правильно, если по некоторым направлениям экспертиза будет проводиться за рубежом, а по некоторым – в Армении. Что касается заявок на английском языке, то по закону мы должны представлять заявку на армянском. А аннотация должна быть написана на армянском и на английском. Теперь что касается научной литературы. Сегодня в Армении издается порядка 75 так называемых научных журналов, но только 3 из них входят в международные каталоги.

Два дня назад у нас в комитете состоялись переговоры с представителем SPRINGER PUBLISHING относительно доступа к научным ресурсам. Мы получим возможность использовать порядка 2000 научных журналов. Аналогичный договор предполагается и с другими организациями. В результате наши ученые получат доступ к 5-6 тысячам научных журналов. Что касается армянских научных изданий, то, я думаю, 5 – вполне достаточно.

Теперь относительно научного оборудования. У нас создается фонд для приобретения дорогостоящих научных приборов. У нас есть приоритетные научные направления, которые будут всячески развиваться, но это не значит, что остальные закроются.

Ашот МЕЛКОНЯН:

- Я бы не хотел, чтобы сложилось впечатление, что мы обсуждаем только финансовые вопросы. Нам действительно удалось сохранить очень неплохой научный потенциал. Однако без необходимого финансирования развивать науку действительно невозможно. Если государство на самом деле осознает роль науки в развитии нашей страны и обеспечении ее безопасности, оно найдет деньги на эту сферу. Очень надеюсь, что Госкомитет по науке нас поддержит в этом вопросе.

Левон ЕПИСКОПОСЯН:

- Мне с трудом верится, что ту инерцию, которая накопилась в сфере науки за последние 20 лет, можно быстро преодолеть. Я не сторонник революционных методов, но какой-то толчок нужен. Этим толчком должно стать сильное политическое решение. Конечно, хорошо, что проблемы науки обсуждаются на уровне ученых, директоров институтов, Госкомитета по науке. Но пока не будет сильного политического решения, все обсуждаемые проблемы не потеряют актуальности. 20 – 30 лет назад ученые считались элитой общества и на равных разговаривали с любым государственным чиновником. Сегодня нам сложно говорить даже со своими студентами. В глазах общества ученые – лузеры, люди, которые ошиблись в выборе профессии.

Армен САГАТЕЛЯН:

- Государство должно понять, что инвестиции в науку – это инвестиции в будущее. Когда парламент утверждает бюджет, он должен понимать, как распределяются деньги и что имеет первостепенное значение. Эти люди должны осознавать свою ответственность. Если финансировать науку по остаточному принципу, она обречена.

Айк АРУТЮНЯН:

- Вопросы финансирования, несомненно, имеют огромное значение, но необходимо поднять и статус ученого, создать в институтах ту атмосферу, в которой ученый может творчески и продуктивно работать. Сегодня мы теряем и это. Что касается молодежи, у нас много талантливых ребят. Но даже некоторые студенты-физики не знают, что Бюраканская обсерватория продолжает работать. Молодежь должна быть информирована о состоянии сферы науки, знать о ее успехах. Тут велика роль СМИ. Один американский ученый рассказывал о девушке, которая, как и он, окончила факультет астрофизики. Он получил работу, а она – нет и стала журналистом, пишущим о науке. По собственному признанию этого ученого, неизвестно, кто принес больше пользы науке – он или эта девушка, ставшая журналистом. Чтобы наука развивалась нормально, чтобы труд ученого вызывал уважение, нужно формировать соответствующее общественное мнение. К сожалению, большинство армянских газет если и обращаются к сфере науки, то представляют ее в самом невыгодном свете. Достижения ученых очень редко оказываются представленными в СМИ.

Армен САГАТЕЛЯН:

- В октябре мы решили провести фестиваль науки и взяли на себя решение всех организационных вопросов. Популяризация науки очень важна. Но, к сожалению, ни от кого мы не получили поддержки. К кому я ни обращался, везде получил отказ.

Вартан СААКЯН:

- Нашим комитетом разработано много проектов, связанных с преобразованиями в сфере науки. Но на самом деле успех этих преобразований зависит не только от государственных решений и финансирования, но и от вовлечения научного сообщества в этот процесс. Наука – такая система, которая сама определяет приоритеты и критерии успеха. Я призываю всё научное сообщество принять участие в разработке и реализации этих программ. У нас у всех одна цель: создать благоприятные условия для нормального функционирования науки, которая является важнейшим фактором современного развития и обеспечения безопасности нашей страны по всем направлениям.

Круглый стол провели Гаянэ САРМАКЕШЯН, Зара ГЕВОРКЯН, Тигран МИРЗОЯН